

**ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО ТОБОЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ
ПО ВОПРОСАМ О ПРИЧИНЕНИИ МУЖЧИНАМИ ТЕЛЕСНОГО ВРЕДА
ЖЕНЩИНАМ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX ВВ.)**

Аннотация. В статье рассмотрено правовое положение женщин относительно защиты от насилий со стороны мужчин в России в конце XVIII – начале XIX вв. Автором представлены результаты исследования содержания дел Тобольской духовной консистории об избиении мужчинами своих и чужих жен и сестер, выявлены общие черты в составлении просительных документов со стороны пострадавших, выделены этапы производства по таким делам в рассматриваемый период, изучено отношение Русской православной церкви к данной проблеме.

Ключевые слова: Русская православная церковь; Тобольская епархия; Тобольская духовная консистория; гендерное насилие; побои; наказание; епитимия; этапы делопроизводства.

Сведения об авторе: Спичак Александра Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории комплексных исследований социальных систем ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет».

Контактная информация: 628615, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул. Нефтяников, д. 37, кв. 103, тел.: 8(912)530-50-23; e-mail: spichak-89@mail.ru.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и администрации ХМАО-Югры, проект № 18-49-860002 p_a.

Вопросы положения женщины издавна являются предметом международно-правового регулирования и деятельности национальных правительств. Несмотря на совершенствование законодательства, принятие и подписание ряда международных документов в рамках ООН, правовое положение женщин, как и раньше, зачастую оставляет желать лучшего (Парыгина 2009: 3). Поэтому важно обращение к прошлому, чтобы не допустить прежних ошибок в настоящем и будущем.

Только XIX в. заложил фундамент процесса осознания женщинами своего угнетенного положения (Парыгина 2009: 3). В данной работе исследуется более ранний период – конец XVIII – начало XIX столетий (точнее, 1794–1821 гг.), – который можно считать переходным, так как ранее женщины фактически не были защищены от гендерного насилия. В рассматриваемый период начинают появляться первые, хотя и достаточно мягкие, наказания за жестокое обращение со слабым полом.

В последние десятилетия активно разрабатывается вопрос о защите прав и интересов женщин в России. Юристов интересует криминологическая характеристика современной бытовой преступности и меры по ее предупреждению, социологи рассматривают супружеское насилие как социальную проблему, изучают социальные условия насилия в семейном поведении, в частности, исследуются внутренний разлад в семье, проблемы внутрисемейных насильственных преступлений. Исторических трудов, посвященных отдельным аспектам семейной жизни до революции 1917 г., немного. Однако вопросы о причинении телесного вреда женщинам со стороны мужчин в конце XVIII – начале XIX вв. по сей день остаются неизученными. Нами данная тема впервые разрабатывается на основе архивных документов, что увеличивает ее актуальность.

По утверждению И.В. Родиной, в России, как и во всей Европе, весьма распространенное насилие в семье – явление конкретно-историческое, определяемое

особенностями моральной парадигмы того общества, в котором оно присутствует (Родина 2006: 17).

Главенство мужчин над женой, детьми и слугами являлось социальной нормой, отражающейся еще в обрядах и ритуалах древности. Более того, в летописных сказаниях первой четверти XI в. сообщается о праве мужа на жизнь жены (вплоть до умерщвления) (Родина 2006: 17–18). Преступлениям, связанным с причинением физического вреда здоровью жен, в законодательстве X–XVI вв. практически не уделялось внимания, вплоть до XVI в. не существовало определенного наказания за убийство мужем жены. Каждый случай рассматривался самостоятельно, а наказания назначались по усмотрению суда. Однако говорить о том, что никакой защиты женщины от побоев мужа не существовало, преждевременно. Запрещалось обращение супругов в суд с жалобами друг на друга, однако подобного рода прецеденты случались, хотя наказание виновника ограничивалось рекомендациями (Игнатович 2003: 6–13). Так, часть дел Тобольской духовной консистории (далее – ТДК) по прошениям о разводе заканчивались советом епархиального архиерея о примирении супругов.

Со временем семейные нравы были смягчены, и муж уже не мог безнаказанно убить свою жену. Однако в дореволюционной России отсутствовал запрет на применение насилия над женщинами. Напротив, в XVI–XVIII вв. мужчины часто получали советы воспитывать жен побоями (Цатурова 2011: 97). Законодатель предусматривал также возможность родителей ограждать своих дочерей от бытовых насильственных действий со стороны мужа. В случае установления факта семейно-бытового насилия родители имели право «бить челом патриарху». В большинстве случаев виновнику грозило церковное наказание. В эпоху российского абсолютизма наметилась тенденция к уравниению супругов обоего пола в личных, семейных отношениях. За преступления друг против друга они должны были подвергаться одинаковому наказанию, однако на практике привилегированное положение мужа все еще сохранялось (Игнатович 2003: 6–13).

В XVII в. начало созреть убеждение в необходимости оградить личность жены от произвола мужа, вследствие чего впервые произошло вмешательство светской законодательной власти в семейные отношения. На протяжении XVII–XIX вв., несмотря на все попытки государства улучшить положение женщин в семейно-бытовых отношениях, жены по-прежнему подвергались притеснениям со стороны мужей. Данное обстоятельство было связано с устоявшимися в народе традициями и пониманием «правильных» взаимоотношений между супругами – подчинением жены мужу, а также с нежеланием власти на местах претворять в жизнь новые законы. Поэтому нередкими, в особенности в «глубинке», являлись случаи насилия мужей над женами и даже убийства последних. Наказания же за совершение подобных преступлений оставались достаточно лояльными (Игнатович 2003: 15).

Битье мужьями жен в патриархальной семье с целью «вразумления» по обычному праву преступлением не являлось. Жители села были убеждены в праве мужика «наказывать», или, как говорили в деревне, «учить» свою бабу. Но убийство супруги воспринималось крестьянами как тяжкий грех и преступление (Безгин 2016: 27). Поэтому, если женщина понимала, что побои супруга скоро доведут ее до смерти, и это могли подтвердить свидетели, например, начальство мужа, то церковь могла хотя бы не развести, а разрешить пострадавшей жить отдельно от обидчика.

С принятием христианства на Руси брачно-семейные отношения входили в компетенцию церкви. К ведению церковного суда относились, помимо всех религиозных, преступления, касавшиеся брачного/семейного союза и чистоты нравов. В Кормчих книгах в «Первом каноническом послании св. Василия Великого к Амфилохию Иконийскому» приводилось правило о расставании супругов. Жена должна была принимать мужа и сохранить семью в любом случае, что бы ни происходило, даже если муж изменяет и бьет ее: «Ибо аще потому, яко биема была, и не стерпела ударовъ: то подобало паче претерпети, нежели разлучатися съ сожителемъ». Жестокое обращение мужа с женой практически не

становилось основанием для развода (Родина 2016: 18–19), что подтверждают и архивные документы. В ответ на жалобу женщины епархиальные власти могли предложить в лучшем случае отдельное проживание.

На взгляд социологов, мужчина, применяя насилие в любой форме по отношению к жене или сестре, осознавая свое половое превосходство, точно так же мотивирован по отношению и к другим женщинам. Он не применяет к ним насильственные действия только вследствие существования социальных запретов, в качестве которых выступают законы и общественное мнение (Порьгина 2009: 9). Таким образом, одна из причин насилий по отношению как к своим женам, так и к чужим, крылась в психическом состоянии мужчины, его потребности самоутвердиться за счет слабого пола. В конце XVIII – начале XIX вв. мужчина понимал, что не получит серьезного наказания за свои действия, даже если побьет чужую жену. Подчас нападению подвергались те женщины, которые были лишены защиты, например, имели супруга со слабым здоровьем.

Следует отметить, что избивание жен было распространенным явлением среди всех сословий (Родина 2006: 19). Женщины страдали не только от своих мужей, но и от других мужчин.

В Государственном архиве в г. Тобольске находятся на хранении дела ТДК по прошениям женщин и их представителей о защите. Судя по этим документам, наказывали только тех мужчин, чьи побои приводили к более или менее серьезным последствиям. Избивание чужой жены обычно наказывалось более строго, чем своей.

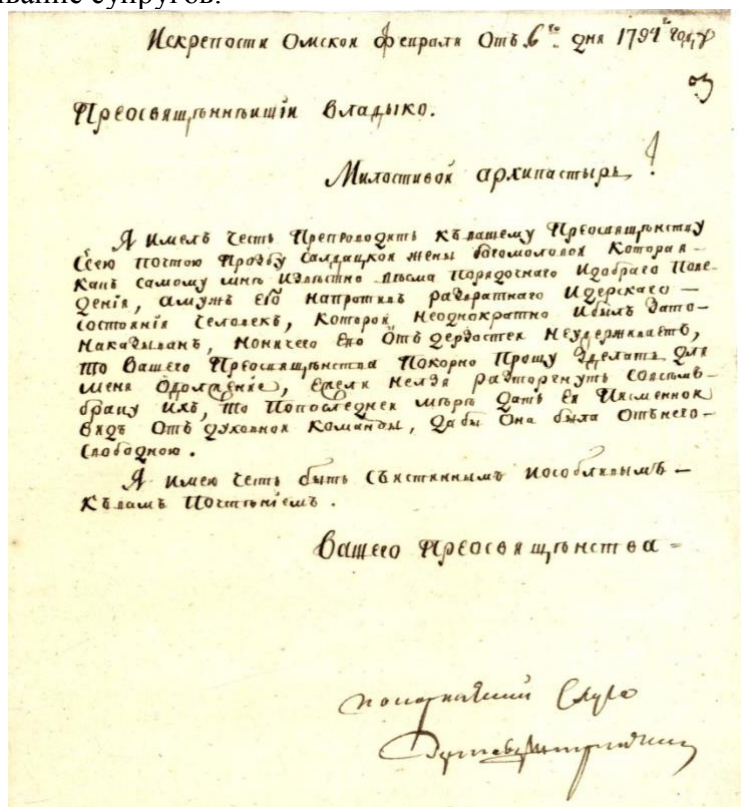
Описания нанесенного ущерба, содержащиеся в медицинских свидетельствах и просительных документах, больше походят на тексты триллеров, чем на официальные документы, невозможно не сопереживать «героиням» дел ТДК.

Обычно прошения о расторжении брака подавали архипастырю в ТДК, однако при нахождении в полевом батальоне женщины обращались к непосредственному начальству их мужей, а они уже составляли отношение владыке.

Согласно одному из дел ТДК о причинении телесного вреда женщинам со стороны мужчин, пострадавшая обратилась с просьбой о защите к начальнику ее супруга – командующему Сибирским корпусом генерал-поручику Густаву Густавовичу Шрандману, который, в свою очередь, составил сообщение архиепископу Варлааму I (Петрову) от 6 февраля 1794 г. (получено 13 февраля) следующего содержания (здесь и далее сохранена авторская орфография): *«4-го мушкетерского полевого батальона мушкетера Богомолова жена Парасковья Сергеева дочь в поданном ко мне доношении прописывая, что по выходе ее за оного мушкетера в замужество девкою назад тому девятый год чрез короткое время, не зная с чего, повел он жизнь свою весьма распутно и несвойственно женатому человеку, как то стал пьянствовать и играть в карты и в кости, отчего, хотя она и старалась, уговаривая его удерживать, но он несмотря на ее советы, причинял ей за то несносные побои, и, ... ставая от тех своих гнусных поступков время от времени оные умножал, а на последок прошедшего 1793-го года в осеннее время без всякой причины бил ее весьма бесчеловечно, от чего находилась она недель с шесть больна, причем растоптал у ней ногами живот, и оттого высыпались черева, в чем свидетельствована была она тогда штаб-лекарем..., а сверх того что тот муж ее прибитый в то время взял топор, вытасца в сени страцал убить, до смерти, однакож случившимися на тот раз людьми, до того был недопущен, да и после того нередкою сеи смертельной опасностью была она им угрожаема, по каковым частовременным и бесчеловечным безвинно причиняемым ей от мужа своего побоям имея всегдашние припадки, не надеется чтоб он переменял ту свою распутную жизнь, и дабы не могла она в самом деле по его намерению прежде времени лишиться жизни, не хотя с ним жить, просить о разводе с показанным мужем, мушкетером Богомоловым, их брака, я, сообразуя все вышепрописанные чинимые мушкетером Богомоловым гнусные поступки, и жене его частовременное бесчеловечное битие, не оставил приказать учинить обо всем том при корпусном дежурстве разбирательство, по которому как он, Богомолов, во всех показуемых женою его*

поступках, особливо по представленному при том штаб-лекаря ... в расстоптании у ей живота и о высыпании наружу черев свидетельству (которое при сем оригиналом прилагаю) оказался виновным, то приказал я его, Богомолова (поскольку он тогда состоял капралом), написать за оное в рядовые с наказанием тростями; что же принадлежит до брачного их разлучения, то как оное в силу докладных Святейшего Синода пунктов 1722-го года апреля 12 дня и подписанной на оные сего Императорского Величества блаженные и вечной славы достойные памяти, государя Петра Великого, резолюции следует до рассмотрения духовного правительства, в таком случае об оном Вашему Преосвященству на рассмотрение честь имею сообщить, и просить, дабы повелено было по тем самым обстоятельствам брак их расторгнуть, ибо та солдатская жена в добром ее поведении при батальоне довольно замечена, следовательно, по распутному мужу ее поведению и жить с ним никак не может, на что имею ожидать Вашего уведомления, в прочем я имею честь быть с истинным почтением» (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 4. Д. 1536. Л. 1а–1а об.). Таким образом, так как Парасковья отличалась не в пример мужу достойным поведением, она могла рассчитывать на развод, о чем просил владыку ее защитник.

В течение одного дня генерал-поручик отправил два сообщения – с подробным описанием сложившейся ситуации и с коротким текстом, подводящим итог его рассказа: «Я имел честь препроводить к вашему Преосвященству сею почтою просьбу солдатской жены Богомоловой, которая, как самому мне известно, весьма порядочного и доброго поведения, а муж ее, напротив, развратного и дерзкого состояния человек, который неоднократно и был за то наказан, но ничего его от дерзости не удерживает, то Вашего Преосвященства покорно прошу сделать для меня одолжение, ежели нельзя расторгнуть совсем брак их, то по последней мере дать ей именной вид от духовной команды, дабы она была от него свободна» (рис. 1) (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Д. 1536. Л. 3). Следует отметить, что в кратком варианте обращения Г.Г. Шрандман уже не просит о разводе, а соглашается на отдельное проживание пострадавшей от ее мужа. Не исключено, что командующий Сибирским корпусом знал «азы» психологии, хотя, возможно, и не осознавал этого, так как использовал метод предложения большего, заранее соглашаясь на меньшее. Таким образом, если архиепископ отказал бы (как это и случилось) в разводе, то согласился бы на раздельное проживание супругов.

**Рис. 1. Отношение командующего Сибирским корпусом генерал-поручика
Густава Густавовича Шрандмана архиепископу Варлааму I (Петрову). 6 февраля 1794 г.
ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Д. 1536. Л. 3**

15 февраля в докладном реестре ТДК записала решение отлучить пострадавшую от «сожительства» со своим мучителем, «дабы не могло от зверского его к ней обхождения последовать и смертного убийства», расторгнуть их брак и представить преосвященному определение «на подтверждение» (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Д. 1536. Л. 4). Определение ТДК, соответствующее современному протоколу, было составлено только в мае 1794 г., число не указано, причина задержки производства по делу не обозначена. В документе содержится разрешение Богомоловой жить при той команде, в которой состоял ее муж в том месте, где она пожелает, и приказ начальству ее супруга иметь за ним наблюдение, *«чтобы от Богомолова какие зловредные поступки на жизнь жены его произойти не могли, то к охранению жены его от того»* по пункту 30 Устава о должности Управы благочиния и в отделениях 8 и 9 «Правил обязательств общественных» «Наказа управе благочиния» Устава Благочиния или Полицейского 1782 г. Указанные правила гласили: «VIII. Муж да прилепится к своей жене в согласии и любви, уважая, защищая, и извиняя ее недостатки, облегчая ее немощи, доставляет ей пропитание и содержание по состоянию и возможности хозяина. IX. Жена да пребывает в любви, почтении и послушании к своему мужу, и да оказывает ему всякое угождение и привязанность аки хозяйка». В делах более позднего периода мы не находим определения ТДК, они были заменены на выписки из ее журнала.

16 мая архиепископ в резолюции велел *«учинить по сему определению»*, на полях определения дописал: *«доколе не откроются обстоятельства с его (мужа. – А. С.) стороны, следующие к совершенному расторжению сего брака, доколе ему мушкетеру Богомолову и жене его в другие браки вступить запретить»*. Таким образом, жестокого отношения было недостаточно для развода, нужны были более весомые основания. Г.Г. Шрандман предоставил несчастной убежище, о чем известил ТДК. 31 мая 1794 г. архиепископ Варлаам в своем ответном письме генерал-поручику изложил утвержденные им положения из определения ТДК (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Д. 1536. Л. 5–8). При обращении через начальство мужа многое зависело от проявленного внимания и сочувствия. Прасковье очень повезло, что генерал-поручик оказался понимающим человеком.

15 марта 1799 г. Прасковья сама подала в Омское духовное правление «покорнейшую просьбу» о разводе, мотивируя это тем, что ее муж *«в совершенный порядок к брачному союзу придти не мог по обращении его во всегдашнем пьянстве»* и продолжал *«напрасные побои»*, отчего она *«дошла ... до самой сущей и последней крайности сил ... коих более терпеть и сносить от него»* была *«не в силах»*. Женщина также указала, что пыталась наладить семейную жизнь, однако ее старания не привели к успеху: *«сколько я ни прилагала к нему моих чувствительных возможностей к лучшему в сожитии порядку, но все сии обстоятельства остались тщетными, но еще наиболее к ... мне отягощению и горести; и за таким моим чрезвычайно последним случаем в жизни угрызенной»*. Просительница выразила свое решение: *«более жить с ним и слыть его женой не желаю»*, объясняя это тем, что *«он и по дней обращается во всегдашнем пьянстве и ведет развратную жизнь, намеревает как мне известно большее нанести мне изнурение, или лишит вовсе меня жизни»*. Заключала прошение по традиции просьба подать духовному правлению представление в ТДК о разводе и *«по таким молодым летам»* (*«от роду только тридцать лет»*) вступлении во второй брак. Через 4 дня Омское духовное правление представило в ТДК «покорнейший рапорт», препровождающий прошение Прасковьи и только 3 апреля владыка в резолюции приказал приобщить данные документы к сообщению Г.Г. Шрандмана (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Д. 1536. Л. 9–11 об.). К сожалению, остается неизвестным, добилась ли Прасковья расторжения брака. Хочется верить в положительный исход дела. Следует отметить, что практически все изученные нами прошения о разводе за XVIII – начало XX вв. содержат просьбу о вступлении в следующий брак.

Таким образом, обращения к архиерею содержали подробное описание всех мучений, которые пришлось пережить пострадавшей, и обязательную оговорку о том, что супруга всеми силами старалась изменить поведение мужа, ведя с ним беседы, но часто встречала еще более агрессивное отношение.

Важно было указать также, что побои совершались «безвинно», то есть жена была ни в чем не виновата, ее поведение никак не провоцировало такие поступки. Для того чтобы увеличить шансы на положительный исход дела и добиться развода, даже наказания мужа, причем второе не являлось для просительниц обязательным (об этом даже не писали в прошениях), желательно было приложить к подаваемым документам доказательную документацию, например, медицинские свидетельства (рис. 2), фиксирующие последствия побоев. Значимым фактором было ведение женщиной благочестивого образа жизни, что свидетельствовало в ее пользу при рассмотрении дела.

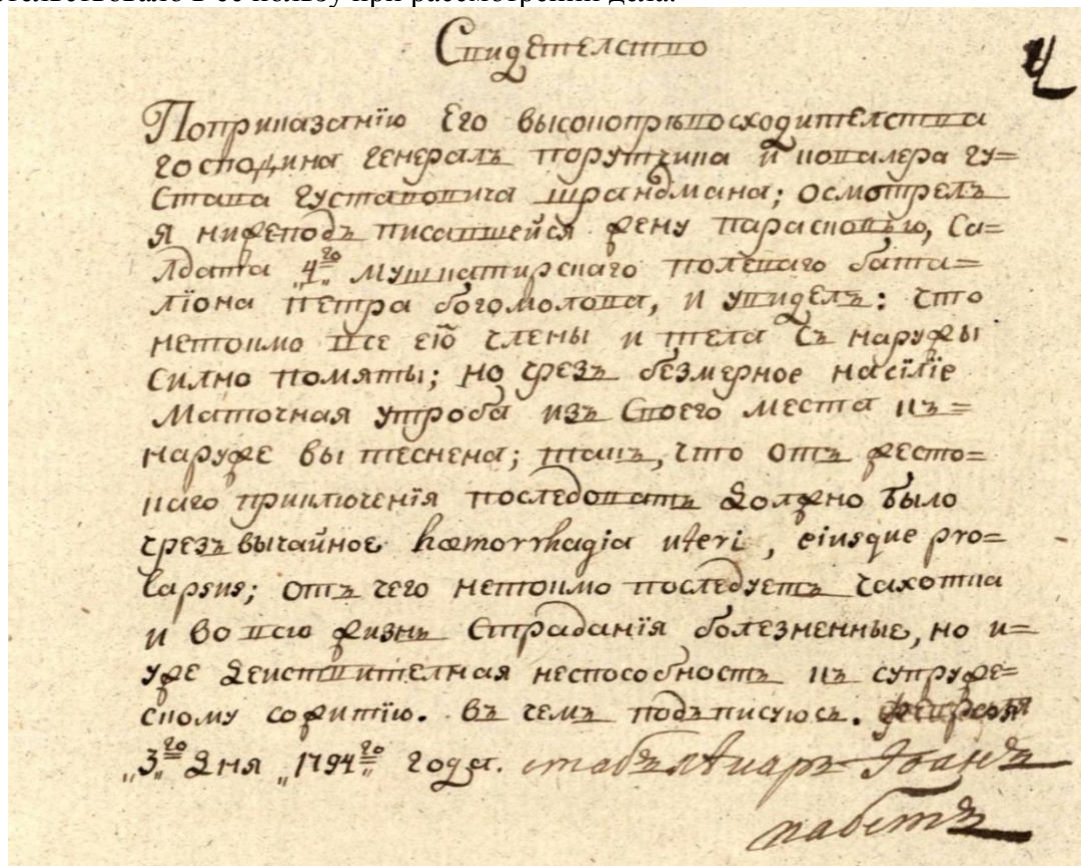

Рис. 2. Свидетельство штаб-лекаря о последствиях побоев, нанесенных П.С. Богомоловой ее мужем. 3 февраля 1794 г. ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Д. 1536. Л. 2

Среди архивных документов не было встречено ни одного дела, согласно которому женщина после совершенного ее супругом правонарушения сразу же подавала на него жалобу владыке. Наоборот, следуя традициям послушания, выработанным целыми поколениями в православной культуре, женщина до последних сил сносила нетерпимое отношение к себе со стороны мужа. И только когда становилось ясно, что дальнейшее проживание с супругом привело бы к ее гибели, женщина решалась на развод.

За побои своей жены (в пьяном виде), приведшие к ее смерти, в конце XVIII в. наказывали еще очень лояльно. Так, крестьянина Омутинской волости Ялуторовского заказа Василия Васильева Ялуторовский нижний земский суд, следуя императорскому указу, полученному из Тобольского наместнического правления, 7 февраля 1789 г. наказал 30 ударами кнута и отослал 24 марта для наложения епитимии в Ялуторовское духовное правление, о чем последнее 30 марта составило «покорнейшее доношение» архиепископу Варлааму I, без резолюции которого держать колодника в духовном правлении не было «удобности». Преступника до получения ответа от владыки отправили обратно в суд.

9 апреля преосвященный в резолюции велел осужденному исполнять 12-летнюю епитимию при приходской церкви под присмотром духовного отца, то есть виновного даже не посадили в тюрьму, а выполнение епитимии не являлось суровым наказанием, которое могло бы отбить охоту еще раз погубить кого-то. Указ из ТДК с решением архипастыря от 20 апреля (№ 547) был получен духовным правлением через неделю, 24 мая епархиальное начальство получило ответный рапорт за 9 мая (№ 235) о том, что духовное правление известило причт церкви об отправлении к ним В. Васильева, дав им «расписание», по которому клирики обязывались рапортовать о поведении преступника 3 раза в год и извещать, кто будет содержать преступника (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 4. Д. 413. Л. 1а, 2–3 об.).

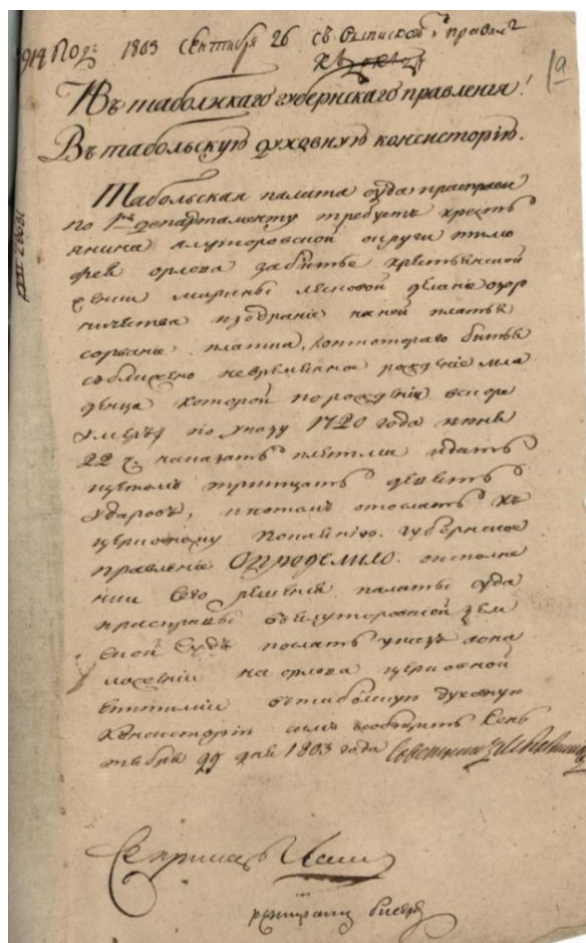
ТДК приходилось рассматривать дела об избиении мужчинами не только своих, но и чужих жен, как, например, в следующем деле. На одни побои суд мог не обратить внимания. Для возбуждения дела в суде и в сообщении ТДК для наложения епитимии должны были иметься более печальные последствия. 10 июня 1802 г. ТДК получила сообщение из Тобольского уездного суда об избиении вогулом Кондинской волости Яковом Родионовым жены вогула Татьяны Яковлевой, что повлекло за собой выкидыш. По этой причине, после проверки дела в Тобольской палате суда и расправы 19 мая 1802 г., Тобольский уездный суд определил *«выписать из дела принадлежащие термины»* и сообщить в ТДК: оказалось, что на Татьяну набросилась вся семья Родионовых – вначале Марья Алексеева, затем ее дочь Анна и потом муж Яков Родионов. После краткого объяснения приводится подробное изложение всех обстоятельств дела: ясашные вогулы Кондинской волости Аминских юрт «Протопий» Родионов и его сосед, сын указанного Якова Влас Родионов, в феврале 1802 г. (число рассказчик забыл) наварили брагу для продажи приезжающим из других селений вогулам. В этот день в гости к Протопею *«для питья браги»* зашла жена его соседа Марья Алексеева с дочерью Анной, и *«не известно с чего начала ему ... и жене его выговаривать, что он, Протопей, лежит болен, но жена его ... за живого уйдет замуж и ругали ее всячески, на что жена его отвечала, что замуж за другого, ни за кого она выйти не намерена, и, не дав более ничего говорить, схватив они жену его за волосы, сшибли с ног»*. «Протопий» и гостивший у него вогул Илья Васильев из Леушинской волости оттащили нападавшую и вытолкнули за дверь, а ее дочь Анна осталась в доме, *«ругаясь всячески»*. Позже в дом к «Протопию» пришел сын Марьи Федор и, схватив первого за волосы, *«бил сколько ему было угодно»*; на помощь пострадавшему пришел опять-таки Илья Васильев. Следом появился Яков Родионов и избил беременную жену «Протопия» Татьяну Яковлеву, которая лишилась ребенка и даже спустя какое-то время, после похорон, чувствовала *«во всем корпусе болезнь»*. В доме в тот момент находились «Протопий», Влас и еще два свидетеля – проживавший в Аратинских юртах вогул Дмитрий Алетин¹ и девица из Никотинских юрт Анна Шакова², то есть пять взрослых, из которых четверо – мужчины, трое из них были здоровы, тогда как муж потерпевшей «Протопий» болел. Остается неясным, почему они позволили Якову бить лежащую Татьяну кулаками, неужели все настолько боялись Якова или он был настолько сильнее остальных? Одной из причин данного преступления стало, возможно, распитие с самого утра браги. Допрошенная Татьяна подтвердила показания «Протопея» и добавила, что ее спасли Илья Васильев и Влас. На следующий день после выкидыша «Протопий» объявил о случившемся десятнику Аминских юрт Андрею Иванову, а затем старшине Кондинской волости Козьме Павлову (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 5. Д. 948. Л. 2–5). 13 июня 1802 г. ТДК на своем заседании заслушала обстоятельства дела. Выписка из журнала ТДК представляет интерес, так как первая ее половина написана аккуратным почерком, а потом, на середине предложения, меняется составитель и дальше разобрать текст практически невозможно. По какой причине сменился автор данного так называемого протокола, неизвестно, возможно, ему

¹ Фамилия написана неразборчиво.

² Фамилия написана неразборчиво.

пришлось срочно отлучиться. 17 июня архиепископ Варлаам I одобрил решение ТДК, 23 июня был отправлен указ (№ 200) священнику Кондинской волости Стефану Тюшеву³ о присмотре за наказанным по правилу 23 Анкирского Собора пятилетней епитимией Яковом Родионовым. Подтверждение преосвященного в виде резолюции отсутствует, имеется только упоминание о том, что оно записано в книгу под № 53 (Л. 6–7).

Следующее дело, похожее по содержанию на предыдущее, посвящено наложению епитимии на крестьянина Ялуторовской округи Тимофея Орлова. Он избил крестьянку Марину Лескову, что привело к преждевременным родам и последующей смерти младенца. Судебные сообщения о фактах побоев могли содержать не только описание случившегося, но и требования. Так, Тобольское губернское правление 24 сентября 1803 г. известило ТДК, что 1-й департамент отделения приставов Ялуторовского округа Тобольской палаты суда и расправы постановил, чтобы Тобольское губернское правление по указу от 22 июня 1720 г.⁴ наказало обидчика плетью (39 ударов) и потом отслало его к церковному покаянию. Интересно, что в сообщении сказано не только об ущербе, нанесенном здоровью крестьянки, и смерти младенца, но налицо и дополнительные сведения: «делано озорничество, изодраны на ней платья, сорваны платка». Наказание в этом случае предлагалось более суровое, хотя тяжесть преступления такая же, как и в предыдущем деле. Губернское правление решило послать в ТДК указ с решением Тобольской палаты суда и расправы о наложении епитимии на Т. Орлова. 26 сентября епископ велел приложить данное сообщение к делу вместе с выпиской из Правил (рис. 3) (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 5. Д. 1128. Л. 1а).

³ Фамилия написана неразборчиво.

⁴ Вероятно, имеется в виду указ Тобольской палаты суда и расправы, так как указ Сената «О разных Государственных сборах, о наказании хищников за взятки лишением имения и живота» от 22 июня 1720 г. (№ 3601) не подходит к содержанию данного дела.

Рис. 3. Сообщение Тобольского губернского правления в ТДК. 24 сентября 1803 г.
ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 5. Д. 1128. Л. 1а

6 ноября ТДК представила в докладе владыке свое мнение, в котором изменила судебное решение: вначале, сославшись на указанное выше 23-е правило Анкирского Собора, подтвердила избранное количество лет епитимии, однако потом, «уважая телесное наказание, учиненное ему за сей поступок от стороны светского правительства», предложила уменьшить срок наказания до трех лет. Предполагалось, что «приходской священник благоразумными своими наставлениями» приведет Т. Орлова «в чистосердечное пред Богом в сем прегрешение, раскаяние». Преосвященный одобрил решение ТДК о том, что «в уменьшении оной епитимии и в удостоении Святых тайн причастия, поступать, буде усмотрены будут в нем (Т. Орлове. – А. С.) плоды достойные покаяния, сообразно 102-му Правилу Шестого Вселенского Собора и указу Святейшего Правительствующего Синода состоявшемуся 1780 года марта 22-го числа»⁵, о чем послали указ от 14 ноября 1803 г. (№ 2283) в Ялуторовское духовное правление, и согласно указу 19 октября 1797 г. в Святейший Правительствующий Синод (далее – Синод) от того же числа (№ 105) (в деле сохранился черновик рапорта архиепископа). Вот так РПЦ расценивала наказание за жестокие побои и смерть не рожденного ребенка. Решение владыки, ссылавшегося на указ Синода о сокращении срока епитимии, в данном деле противоречит этому постановлению, так как срок наказания был уменьшен еще до проявления раскаяния. Судебная практика, привычная и понятная для современников Т. Орлова, не укладывается в голове современного человека. 16 ноября духовное правление получило указ, на следующий день составило ответный рапорт, содержащий следующие заключения: 1) так как в указе отсутствовали сведения о волости и приходе, в которых находился Т. Орлов, требовалось получить уведомление от Ялуторовского нижнего земского суда, 2) после получения уведомления отправить преступника волостному правлению по месту его жительства к приходским священникам для исполнения наказания вместе с указом и расписанием для клириков. 19 ноября архипастырь приказал приобщить документ к делу (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 5. Д. 1128. Л. 2–6, 7–7 об.). В данном деле ТДК, однако, впервые назвала преступника убийцей. Следует отметить, что подобного рода дела рассматривались достаточно быстро.

Заключительное дело объединяет два правонарушения – побои и «бесчинство» в церкви. При совершении преступления в церкви, что являлось, по мнению РПЦ, особенно тяжким, о произошедшем злодеянии мог донести причт. Так, Тюменское духовное

⁵ Указ Синода от 21 марта 1780 г. (№ 14996) «О подтверждении священникам, чтобы они, при наложении епитимии преступникам, поступали осмотрительнее» велел клирикам, присматривающим за осужденным, уменьшать срок епитимии при раскаянии последнего: «приемший власть вязати и решить, смотря на чистое кающегося покаяние, аще милость покажет ему умалением времени епитимии, не будет достоин порицания», более того, дозволялось менять одну епитимию на другую. Согласно «положениям Святых Отцов», время епитимии было соразмерно «степенью ожесточения» и «важностью преступления». Однако, совершая равные по степени тяжести преступления, одни злодеи были «жестокосердны, и ни увещаниями, ни временем к истинному раскаянию не приводятся, другие при признании приносят о грехах раскаяние и сокрушение, иные же, или по холодности к закону, или по расколу, запрещению ни во что вменяют, паче же оного и желают, а иные продолжением запрещения впадают в отчаяние». Таким образом, правило 102 Шестого Вселенского Собора предлагало «врачьбу приносить подобно болезни», то есть преступник рассматривался как больной, которого следовало лечить с помощью епитимии, помогая прийти к раскаянию. Синод решил внести дополнения в пункт 14 Духовного регламента, объясняя это тем, что «древние Святые Отцы и Пастыри не так рассуждали о епитимиях, яко бы неудобно переменять догматы», однако их меняли, «имея к тому некие благословные вины». Данные положения распространялись только на преступления малой и средней тяжести, а «наипаче в важнейших преступлениях, не подать виду послабления». Священники должны были поступать «осмотрительно», чтобы «одни не возымели повода притворством сего (уменьшения срока епитимии. – А. С.) достигать».

правление рапортом от 12 июня 1815 г. известило ТДК о том, что утром 3 июля 1815 г. крестьянка Анастасия Семенова Борзунова должна была венчаться с ямщиком Лаврентием Павловым Сидоровым. Пришедшие в церковь на потребу священно- и церковнослужители стали свидетелями *«бесчеловечного»* избиения Анастасии ее родным братом Иваном. Клирики утверждали, что они пытались удержать нападавшего, но он пришел *«в такой азарт, что не только сестре своей намерен сделать увечье, и с ними ... крайне грубо и с поносительными словами говорил, что же он за все сие сам отвечает и, наконец, утащил ... сестру свою из церкви за волосы в свой дом»*. Возможно, Иван был против того, чтобы его сестра вышла замуж за Сидорова. В очередной раз нам встретилось дело, в котором свидетели не помогли вовремя потерпевшей. Что касается данного случая, то, видимо, складывалась практика невмешательства в семейные отношения. 16 июля 1815 г. архиепископ Амвросий приказал ТДК рассмотреть дело (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 8. Д. 1328. Л. 2).

Согласно указу Синода 28 октября 1809 г. о случившемся в церквях *«бесчинии»*, епархиальным архиереям требовалось *«сделать надлежащее сношение с гражданскими правительствами, о поступлении с виновными по законам отнестись немедленно к господину прокурору, для доклада о сем государю ... императору на основании указа, объявленного Священному Синоду в 21 день сентября 1804 года»*. 6 сентября 1815 г. ТДК в докладе владыке предлагала составить отношение о происшествии обер-прокурору Синода и в Тобольское губернское правление, потребовав от последнего отправить ответное уведомление. Указы 1804 и 1809 гг., а также доклад ТДК прилагались к делу. Архиепископ приказал ТДК послать в Тюменское духовное правление указ, чтобы Тюменский уездный суд, наказав И. Борзунова, отправил ему уведомление, после чего духовное правление должно было рапортовать о наказании в ТДК. Несколько раз ТДК повторяла свои указы духовному правлению, а позже и Тобольскому губернскому правлению, так как земский суд не присылал ответ о наказании преступника. После каждого ответного рапорта в ТДК составлялась справка по делу, документ не имел названия и начинался со слов *«по справке консистории...»*. Наконец, 20 июня 1821 г. Земский суд сообщил духовному правлению, а через 5 дней последнее рапортовало ТДК (документ получен 2 июля 1821 г.), что обидчик наказан розгами (25 ударов). Духовное правление определило известить об избранном виде наказания причт Тугулымской церкви (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 8. Д. 1328. Л. 3–22).

Таким образом, процесс производства ТДК по делам о причинении телесного вреда женщинам со стороны мужчин в конце XVIII – начале XIX вв. длился несколько месяцев, в виде редкого исключения – несколько лет, и обычно включал следующие этапы: 1) подача просительного документа со стороны потерпевшей (через духовное правление, если она проживала в провинции, в таком случае духовное правление переписывало ее просьбу) либо от начальства ее супруга напрямую в ТДК, если преступление совершил муж, или, в случае смерти женщины либо выкидыша, – сообщение Тобольского уездного суда (через духовное правление, если преступление совершалось не в Тобольске) или Тобольского губернского правления с требованием о наказании от Тобольской палаты суда и расправы; 2) рассмотрение поступившей документации на заседании ТДК, составление определения в конце XVIII в., позже выписки из журнала ТДК; 3) проставление резолюции архиепископом; 4) отправка указа ТДК начальству мужа или в духовное правление; при необходимости извещали Синод.

Архиепископ, принимая решение, часто ссылался на постановления Синода и Правила Шестого Вселенского Собора, указывая их или прилагая полный текст, однако встречаются дела, в которых выбранный вид наказания без каких-либо оснований расходится с церковным законодательством, причем в пользу виновного, то есть Церковь до последнего верила в раскаяние и исправление преступника. Обращение к законам обнаруживается в делах, объединяющих побои и более тяжелые в представлении Церкви последствия, например, смерть не рожденного ребенка или *«бесчинство»* в храме. ТДК

узнавала о таких совмещенных преступлениях уже после исполнения светского наказания ударами розгами.

Основной причиной нанесения телесного вреда женщинам со стороны мужчин в конце XVIII – начале XIX вв. являлись сложившиеся традиции. Последствия же были различными в зависимости от того, находились ли преступник и жертва в браке: если мужчина избивал свою жену, то рассчитывать на защиту она могла только в том случае, если находились свидетели, которые могли подтвердить, что в дальнейшем побои мужа могут привести к трагедии, и то этого было недостаточно для развода, пострадавшей просто разрешали жить отдельно от обидчика. В случае если мужчина нападал на чужую жену, то при отягчающих последствиях, таких как смерть не рожденного ребенка, его ждало светское наказание в виде битья розгами.

Литература

Безгин В. Б. 2016. Убийство супруга(и) в крестьянской семье (конец XIX – начало XX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики 1 (63), 27–30.

Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГБУТО ГАТ). Ф. И-156. Оп. 4. Д. 1536.

ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 4. Д. 413.

ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 5. Д. 948.

ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 5. Д. 1128.

ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 8. Д. 1328.

Игнатович В. Э. 2003. Борьба с насилием в быту: историко-правовой анализ российского законодательства: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. СПб.

Парыгина Н. А. 2009. Гендерный аспект насилия в социальном измерении: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Хабаровск.

Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). 1830а. Собр. 1. Т. VI. СПб.: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 205–208.

ПСЗРИ. 1830б. Собр. 1. Т. XX. СПб.: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 926–927.

Родина И. В. 2006. Родственно-семейные отношения насилия и зависимости в обычаях и нормах России: исторический аспект // Общество и право 3 (13), 17–25.

Устав Благочиния или Полицейский 1782 г. // Музей истории российских реформ им. П.А. Столыпина. URL: <http://музейреформ.рф/node/13635> (2019. 3 марта).

Цатурова М. К. 2011. Три века русского развода (XVI–XVIII века). М.: Логос.

A.V. Spichak
Nizhnevartovsk, Russia

OFFICE WORK OF THE TOBOLSK SPIRITUAL CONSISTORY ON QUESTIONS OF CAUSING BODILY HARM TO WOMEN BY MEN (THE END OF XVIII – THE BEGINNING OF XIX CENTURIES)

Abstract. The article deals with the legal status of women regarding protection against violence by men in Russia in the late XVIII – early XIX centuries. the Author presents the results of the study of the content of the cases of the Tobolsk spiritual Consistory about the beating of their and other men's wives and sisters, identified common features in the preparation of pleading documents from the victims, highlighted the stages of production in such cases at that time, studied the attitude of the Russian Orthodox Church to this problem.

Keywords: Russian Orthodox Church; Tobolsk diocese; Tobolsk spiritual Consistory; gender violence; beatings; punishment; penance; stages of office work.

About the author: Spichak Alexandra Vladimirovna, candidate of historical Sciences, researcher at the laboratory of complex studies of social systems, Nizhnevartovsk state University.